

бытовых явлений, на расширении работы и привлечении местных сил в создании Регионального историко-этнографического атласа Украины, Белоруссии и Молдавии; расширить координационную деятельность научно-исследовательских учреждений, вузов и краеведческих музеев; шире применять конкретно-социологические методы в этнографических исследованиях современности.

В области фольклористики рекомендации направлены на улучшение в республике собирания, издания, исследования и преподавания фольклора, на активизацию работы фольклористов на местах, на активную подготовку украинских фольклористов к VI Международному конгрессу славистов (Прага, 1968 г.) и др.

В. Т. Зиновьев

ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ СОВЕТСКИЕ НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКЕ, ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ

В последние годы на совещаниях и встречах советских историков, в том числе и на Всесоюзном совещании историков 1963 г., справедливо обращалось внимание на серьезный пробел в общественных науках — на неразработанность у нас проблем истории скандинавских стран и Финляндии. Об этом же и об ограниченном числе тем, над которыми работает незначительное пока число советских скандинавистов, говорил и председатель второй конференции советских скандинавистов академик В. М. Хвостов. Открывая 27 сентября 1965 г. эту конференцию, он подчеркнул важность широкого и всестороннего изучения общественной, экономической, политической и культурной жизни стран Северной Европы и разработки глубинных тем скандинавского обществоведения. Актуальность этой задачи определяется не только историческими традициями длительных мирных отношений и тем фактом, что скандинавские страны и Финляндия — наши соседи, но и интенсивно развивающимися политическими, экономическими и культурными связями между ними и Советским Союзом.

С 27 сентября по 1 октября 1965 г. в Ленинграде проходила вторая, а всего через год, с 18 по 24 сентября 1966 г., в Кяэрику (Эстонская ССР) — третья научная конференция советских скандинавистов. Обе были организованы Институтом истории АН СССР, Московским, Ленинградским и Тартуским университетами. Опасения, что из-за малого разрыва во времени скандинависты не успеют подготовить доклады для третьей конференции, оказались напрасными. Если на первой конференции скандинавистов, проходившей в мае 1963 г. в городе Тарту¹, присутствовало около 80 делегатов, то на второй, как и на третьей конференции — по 150. Причем с докладами на первой конференции выступило 54 человека, а на второй и третьей — по 90. В соответствии с тематикой, доклады на первой конференции подразделялись на четыре секции (языка, литературы, экономики и истории), а на второй и третьей конференциях — на пять секций (языка; литературы; новейшей истории и экономики; истории международных отношений; истории, археологии и этнографии). Особенно отрядно для нас, этнографов, создание последней секции, фиксирующей значение этнографии и археологии, как полноправной составной части советской скандинавистики.

Мы коснемся здесь лишь тех выступлений, которые представляют интерес для этнографов, причем рассмотрим сначала доклады, представленные на второй, а затем — на третьей конференциях.

К таким докладам можно отнести, например, прочитанный на пленарном заседании второй конференции М. И. Стеблин-Каменским (Ленинград, кафедра скандинавских языков ЛГУ) доклад «О реализме исландских саг». Отметив, что до сих пор учеными лишь определялось место каждой отдельной саги в общем процессе развития исландской литературы раннего средневековья и это затушевывало в целом отличие этих саг от литературы более поздних столетий, М. И. Стеблин-Каменский предложил обратить внимание на представления самих авторов и их современников об этих сагах. Докладчик указал при этом на древнеисландскую лексику, конкретно — на минимальные семантические структуры, или элементарные противопоставления общего и частного, например: «правда» — «художественная правда», «письменное произведение» — «письменное историческое произведение», «писать» — «сочинять»² и др. Он под-

¹ См. М. Н. Морозова, Научная конференция по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии, «Сов. этнография», 1964, № 2.

² См. «Тезисы докладов второй научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии», М., 1965, стр. 4.

черкнул, что в этих противопоставлениях только одна посылка — более широкая — могла быть выражена на древнеисландском языке. Однако в приведенном им противопоставлении «писать» — «сочинять» последнее слово имеет отнюдь не узкое, как утверждает автор, а более широкое, общее значение (в противном случае уничтожается, например, такое понятие, как фольклор).

В докладе Л. Р. Серебрянного (Москва, Институт географии АН СССР) «Проблема первичного заселения Скандинавии в свете палеогеографических данных» был привлечен широкий комплекс новейших сведений. А. Я. Гуревич (Москва, Институт философии АН СССР) в докладе «Эпоха викингов. Некоторые спорные проблемы истории скандинавских народов периода раннего средневековья» подчеркивал возможности объяснения симптомов глубоких сдвигов в резких областях духовной жизни, в мировоззрении и психике скандинавов эпохи викингов через исследование произведений изобразительного искусства, прежде всего — исполненного силы и динамики «звериного стиля». На эту особенность, синхронную каким-то сдвигам в мировоззрении, психике и духовной жизни скандинавов, обращали внимание скандинавские ученые, в частности выходящий норвежский археолог Хокон Шетелиг, еще в первой четверти нашего столетия.

С большими докладами, иллюстрированными диапозитивами или картинами, выступили Г. А. Некрасов (Москва, Институт истории АН СССР) — «Русско-шведские культурные связи в XVIII в.», М. И. Безрукова (Москва, Государственный Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина) — «Шведский скульптор Карл Миллес» и А. Е. Кроль (Ленинград, Эрмитаж) — «Картины скандинавских художников в собраниях Эрмитажа». Опыт исследования демографии шведского города XV в. предприняла в одноименном докладе А. А. Сванидзе (Москва, Институт истории АН СССР). С докладом «Об изучении шведской этнографии учеными Швеции» выступила М. Н. Морозова (Москва, Институт этнографии АН СССР). В докладе Г. И. Анохина (Москва, Институт этнографии АН СССР) «Общинные традиции фарерского крестьянства», основанном на фарерских источниках, были прослежены появление на Фарерах переселенцев из Норвегии, принесших с собой, как основную производственную и общественную ячейку, большую патриархальную семью, возникновение на архипелаге соседских общин и дальнейшая трансформация семейной и соседской общин.

Живой интерес вызвал доклад аспирантки МГУ Е. А. Еремеевой «Скандинавский героический эпос (мотивы и образы волшебной сказки)». Взаимосвязь мотивов в образах волшебной сказки и героического эпоса неоднократно в последние годы привлекала внимание советских фольклористов (В. М. Жирмунский, Е. М. Мелетинский и др.). Однако вопросы, связанные с этой проблемой, решались в основном на материале эпоса тюркских народов, нарского эпоса. Западноевропейские эпические памятники не анализировались, да и установить взаимосвязь со сказочными мотивами и образами в западноевропейском эпосе труднее, так как создавались они народом, стоявшим на более высоком уровне общественного развития. Е. А. Еремеева полагала, что именно это обстоятельство позволяет определить специфику переработки сказочных мотивов и образов в эпические, установить некоторые общие закономерности и выделить основные этапы такой переработки. К сожалению, она не привела фактического материала в поддержку своей концепции о том, что «скандинавский эпос... позволяет исследовать не только процесс переработки отдельных сказочных мотивов и образов в эпические, но и цели введения сказочного материала в эпос»³. Е. А. Еремеева не располагала фактическим материалом и для обоснования существования волшебной сказки и скандинавского эпоса. Но сама-то тема заслуживала пристального внимания и разработки.

Видимо, учитывая это, М. И. Стеблин-Каменский на третьей конференции, работе которой мы посвящаем весь дальнейший обзор, выступил на секции литературы с докладом «Исландская народная сказка», и этот доклад привлек слушателей едва ли не из всех других секций. М. И. Стеблин-Каменский, как он сам подчеркивал, не стремился показать взаимосвязь этого жанра фольклора с другими, а лишь дал фактический материал для характеристики наиболее типичных особенностей, подтверждающих существование исландской народной сказки как фольклорного жанра. До сих пор широкому кругу наших фольклористов не было даже известно, существовала ли исландская народная сказка вообще, поэтому приведенный докладчиком материал очень важен⁴.

Другой доклад М. И. Стеблин-Каменского на этой же конференции — «Исландская топонимика как материал к истории имени собственного» был прочитан на секции языка. Докладчик сообщил, что за тысячу лет исландская антропонимия почти не претерпела никаких изменений и имеет ту же форму, как и в эпоху своего

³ См. «Тезисы докладов Второй научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии», стр. 161.

⁴ См. недавно опубликованный научно-популярный обзор исландской народной сказки в кн.: М. И. Стеблин-Каменский. Культура Исландии, М., 1967.

икновения. Фамилий в Исландии до сих пор нет, а личные имена тоже сохраняют древнюю структуру. Это делает исландскую антропонимию удобным материалом для наблюдения изменений в самой сущности имен собственных.

Как бы ответом на другую часть названного доклада Е. А. Еремеевой прозвучал третьей конференции содержательный доклад Е. М. Мелетинского (Москва, Институт мировой литературы им. М. Горького) — «Повествовательные мифологические песни „Эдды“ и ранние формы эпоса». Докладчик видит в указанных песнях два не поздние влияния ученой гномики и героических песен, прежде всего поэзий льдов, и баллад, а «ярко выраженную фольклорно-эпическую окраску». Он отметил, «во всех песнях и сказаниях обнаруживается единая структура, которая не является сказочной», что она «в целом показывает большую близость к фольклору, более аическую стилистику мифологических песен, их связь с ритуальной и народной ней»⁵.

С важным докладом «Скандинавистика и историческая социология (постановка рота)» на пленарном заседании третьей конференции выступил А. Я. Гуревич. Докладчик подчеркивал необходимость выработки социологического метода рассмотрения обществ минувших эпох. Хотелось бы все же предостеречь докладчика от устаревшего и неправильного толкования им термина «этнология», как науки о первобытной культуре, т. е. от путаницы целого с частью — этнологии с палеоэтнологией, или геоэтнографией. То, что термин «этнология» мало употребляется у советских ученых, зато распространен за рубежом, главным образом среди немецких обществоведов, — синоним этнографии «примитивных народов», не дает оснований толковать его, подобно многим буржуазным ученым, иначе, чем этнография в нашем понимании, т. е. как о всей традиционной культуре и быте народа на всех этапах его исторического развития, в том числе и о современной жизни, а не только о первобытной культуре.

Горячие споры на секции истории, археологии и этнографии третьей конференции звал доклад Г. Ф. Корзухиной (Ленинград, Институт археологии АН СССР) — «Уточнению датировки древнейших слоев Ладоги». Построенный на обильных позывных материалах, полученных при археологических исследованиях, доклад пролил свет на этнический состав более раннего населения древней Ладоги. Находки (палочка рунической надписью первой половины IX в., курганный могильник с сожженными ладьями, меч, воткнутый в землю подле кальцинированных костей, захоронения и жен и мужчин, и детей), свидетельствуют, по мнению Г. В. Корзухиной, о том, что в в. в Ладоге «норманны были известны и как постоянные ее жители», а не только как пришедшие участники случайных грабительских набегов⁶.

В связи с этим докладом на конференции обсуждался вопрос о норманнской теории, возникли длительные дебаты о необходимости пересмотра многих устаревших сведений и догматических положений, выдвинутых два столетия назад и остающихся обузой для творческой мысли ученого и прежде всего историка, археолога, этнографа, трополога, о важности скорейшего перевода на русский язык и издания капитального исландского источника раннего средневековья — «Королевских саг» Снорри Стурлусона. Игнорирование источников и сведений из них никогда не способствовали процессу мысли и науки. А тут, как это ни парадоксально, ни наши историки и археологи, изучающие средневековую Русь, ни даже в большинстве своем отечественные скандинависты до сих пор совершенно не знакомы или мало знакомы с этим выдающимся творением, равным, пожалуй, летописям Нестора и содержащим богатейшие сведения о тесных военных, экономических и родственных связях между Скандинавией (особенно Норвегией) и Русью в раннее средневековье. Теперь к выводу о необходимости перевода и издания в СССР «Королевских саг» пришли делегаты секции истории, археологии и этнографии третьей конференции советских скандинавистов. Много раз о необходимости русского издания «Королевских саг» говорилось и прежде, в частности именно об этом 18 февраля 1965 г. было вынесено решение комиссии этнографии Московского филиала Всесоюзного географического общества.

Внимание делегатов привлекли также доклады М. Н. Морозовой — «Вопросы этнической истории скандинавских народов по материалам крестьянского жилища», А. С. Ванидзе — «К вопросу о формировании шведского бюргерства в XIV—XV вв.», Г. И. Анохина — «К вопросу о национальном движении фарерцев».

Общим было мнение всех делегатов о том, что сейчас возрос научный уровень советской скандинавистики. И хотя круг поднимаемых проблем еще узок, все же прошедшая третья конференция еще более, чем две предыдущие, содействовала развитию деловых контактов между специалистами и способствовала углублению и расширению изучения скандинавских стран и Финляндии. Проведение четвертой очередной конференции советских скандинавистов намечено на июнь 1968 г. в Петрозаводске.

Г. И. Анохин

⁵ См. «Тезисы докладов третьей научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии», Тарту, 1966, стр. 176, 177.

⁶ Там же, стр. 62—63.